

ПЕРСОНА

- Дмитрий, вы — из семьи кинематографистов: отец — оператор Дмитрий Месхиев, мама — режиссер Наталья Троценко. Не мешал бы перед фильмами родителей?

— В детстве я все их фильмы очень любил. Сейчас отношусь сложнее: некоторые картины нравятся сильно, некоторые — не нравятся совсем. В чем-то я родителей понимаю, а что-то в их работах для меня совершенно необъяснимо. Отец был очень хорошим оператором, но он снял огромное количество плохих фильмов. А мама... Женщина-режиссер — событие, вообще, довольно странное. И для меня мама просто была очень хорошим и возвышенным человеком. Она сделала картины "Пани Мария", "Воздухоплаватель", "Кадкина всякий знает" — это из самых известных. Но отношение к ее режиссуре у меня неоднозначное.

— Вы больше "папин" или "мамин"?

— Я сложный. У меня утро может быть "мамино", а вечер — "папин". Родители во мне "замешались", и у меня из-за этого очень тяжелый характер. Из школы меня с девятого класса выгнали, пошел работать и оканчивал вечернюю школу. Меня, естественно, сразу на "Ленфильм" по блату пристроили. О кинорежиссуре тогда и не думал. Родители в тоске мечтали, что буду кинооператором, хотя подозревали, что стану, вообще, непонятно кем. А сестра мне сказала: "Ты должен быть артистом!" Стал работать на "Ленфильме" в операторской группе — механиком, ассистентом оператора. Тогда и захотел быть кинорежиссером. Катал операторскую тележку и думал: "А я бы снял не так". Пошел поступать во ВГИК. И поступил.

— Вы учились у Марлена Хуциева. Что "взяли" от него?

О Дмитрие Месхиеве заговорили уже после первого его фильма "Гамбринус" по новелле Куприна. Собственно, от классика в картине остались только тетка-бандерша, скрипач Сашка да приморский кабачок в качестве места действия. А все остальное было мастерски придумано молодым режиссером и автором сценария Валерием Тодоровским. Затем последовали "Циники" по роману Анатолия Мариенгофа — изысканная киностилизация под двадцатые годы, картина "Над темной водой", посвященная поколению шестидесятых, и новелла "Экзерсис" в фильме "Прибытие поезда". Сейчас Месхиев работает над новым фильмом — "Американка" по сценарию Юрия Короткова. Речь в нем — о молодежи начала семидесятых.

ДМИТРИЙ МЕСХИЕВ:

Стать миллионером от кино хотел бы

— Когда учился, казалось, мне ничего не дает. А уже к концу учебы понял, что получил очень многое. И больше всего дали наблюдения за тем, как он работает. Поскольку Хуциев всегда хочет, чтобы все было очень хорошо, он нас сильно поправлял на репетициях. И иногда спектакли, которые мы делали, были уже не "наши", а его. Он учил атмосферу, а это в кино — одна из самых важных вещей.

— Ощущение, что кинематографическое поколение, к которому вы принадлежите, очень сплочено. Это так?

— Мы, действительно, сплочены. Но не потому, что — "новая волна". Мы не снимаем новое кино, разве что единицы из нас это делают. Более того, из нашей компании — много режиссеров и очень неровных, и "средних", мощного выплеска талантов тут нет. Мы по-человечески сплочены, потому что очень хотим делать кино. Я абсолютно согласен и с Сергеем Соловьевым, и с другими кинематографическими деятелями в том, что все в кино сейчас ужасно трудно и тяжело. Но тяжело-то стало не так давно и фильмы при этом все равно снимаются. Скорее стало не так легко, как было раньше — с восьмидесяти пятого по девяносто третий, когда снимали все, кому не лень.

— В чем, по-вашему, выход из кинокризиса?

— Мы пытаемся придумать систему — разными путями, — причем, которая позволит кино даже при нынешнем отсутствии проката окупаться и приносить деньги. Это и расчет на видео и телевидение. И совершенно иной

подход к бюджету. И попытки сделать фильмы, что не стоили бы дороже тех денег, которые могут принести. А это сейчас — самое болезненное, потому у нас очень дорого стоит делать кино. И если бы артисты дорого стоили, а то ведь — производство.

— Вещи вы говорите правильные, но кино-то сейчас все равно не снимается?

— Вот все говорят, что картины практически не снимаются. Но при этом они почему-то выходят. Просто их не снимают конкретно "Мосфильм", "Ленфильм". А их снимает большое количество разных маленьких студий. Но сейчас ситуация постепенно выправляется, и в результате жесточайшей конкуренции из маленьких студий выживут только самые "кинематографичные". Останется то, что делает сейчас Сергей Ливнев на Студии Горького. То, что пытается делать на нашем "Ленфильме" новый директор Виктор Сергеев. И меня это очень радует.

На нашем телевидении в смысле кино ситуация омерзительная. Производство некоторых телевизионных программ имеет бюджет двадцать пять — тридцать тысяч долларов в час эфира. А за полнометражный фильм платят примерно столько же, иногда и меньше. Покупаются права на год и за это предлагается пятнадцать-двадцать тысяч долларов. Это же смешно, так нельзя! Телевидение вбивает колоссальные деньги в "заставки", делают совершенно непонятные проекты, которые стоят колоссальных средств. А за кино не платят! Если за картину, которая — хорошая, какой-то из централь-

МШПО

Кухтыра - 1994 - 7 авг. - с 11

ных телевизионных каналов предлагает пятнадцать-двадцать тысяч долларов, а она стоит триста тысяч, лучше не продавать совсем. Никто не увидит ее? Значит, увидят потом.

— Сами вы "при ком" сейчас?

— Я — не при ком, сам по себе. Мы создали экспериментальную студию, которая занимается только одним проектом. "Мы" — это я, продюсер Саша Антипов и издательство "Азбука". Все мы — питерцы, но очень плотно работаем со Студией Горького. Это как бы наш общий проект: на два города пытаемся что-то сделать.

— А как же ваша "Американка"?

— "Американку" делаю на бюджетные деньги на "Ленфильме". Многие мои товарищи-режиссеры очень переживают по поводу остановки картины из-за отсутствия денег. А я, может, оттого, что уже готов к этому, думаю: ну, хорошо, остановлюсь — ничего страшного, потом продолжу. В конце концов, своего ребенка можно и "поносить" подольше. Мне хочется "раздвинуть" экран, не ограничивать себя его четырьмя сторонами. Хочется попытаться сделать так, чтобы и зрителю было интереснее видеть нечто большее, чем в привычном кино. Ведь когда видишь часть и догадываешься по ней о целом — это всегда интересно. В "Экзерсисе" я шел не от конкретной "картинки", которую вмещает экран, а скажем, от какого-то дяденки, который за кадром, только рука его торчит. Шел от того, что все якобы случайно попадают в кадр и от этого все выглядит как-то неправильно, некрасиво. Я это придумал и теперь совершенно по-другому отношусь к кино, к экрану. Впервые подобное ощущение пришло ко мне, когда снимал сцену охоты в картине "Над темной водой". Это был первый шаг к тому, что начал делать потом в "Экзерсисе". Хотя тогда этого не осознавал. Просто посмотрел склеенный материал и подумал: если бы я все снял так, было бы замечательное кино! Но я снял так всего одну сцену, хотя и большую.

— А как попали в "Поп-механику" Сергея Курехина?

— Мы с Сережей стали дружить. "Поп-механика" — его детище, он меня позвал. Что-то придумывали вместе — всякие штуки. Я работал в качестве режиссера, но поскольку это действие музыкальное, сознательно был на вторых ролях. Просто было интересно: все так неповторимо, здорово и очень театрально. У нас в "Поп-механике" и Эдуард

Хиль участвовал. Сначала хотели, чтоб была Алла Борисовна Пугачева, она согласилась, но потом не смогла. Сережа страшно распереживался, что не будет "гвоздзя". Я и говорю: "Давай Хилья!" — "Да он откажется!" — "Ничего, давай попробуем!" И Хиль согласился, очень здорово ко всему отнесся, вышел на сцену весь в фольгу завернутый...

— Помимо режиссуры вы еще и бизнесом занялись: стали совладельцем клуба "Манхэттен", ресторан "Смак" собираетесь вместе с Андреем Макаревичем открыть.

— Да, есть клуб "Манхэттен" под домашним названием "Котел", совладельцем которого я являюсь. У нас в Питере до этого закрытого арт-клуба не было, вот и решили создать. Даже не для богемы, а для гуманитарных слоев населения, которые имеют у нас членские карточки. Находится "Котел" на Фонтанке, недалеко от БДТ, стилизован под котельную-пожарную. Совладельцев — несколько человек, имеем от этого какие-то деньги плюс чувство морального удовлетворения.

А ресторан "Смак" строим с другими компаньонами. Делаем его с Андреем Макаревичем в центре города. Все меню будет по рецептам "звезд" из программы "Смак". Такой ресторан, где все будет делаться так, как было показано по телевизору — месяц, два или три назад. Макаревич сам готовить, естественно, не будет — на это есть специалисты. Не собираемся создавать дорогой ресторан, потому что он — дело тяжелое и заниматься тогда придется только этим, да к тому же таких много и для успеха понадобится невероятная раскрутка. Занимаюсь "Смаком" в компании тех, кого знаю с детства, все мы, кроме Макаревича, — дети кинематографистов. Леша Чернов — сын режиссера Менакера, Игорь Кобзев — сын кинооператора. Но оба они, в отличие от меня, давно ушли в бизнес. Конечно, рассчитываем, что дело окажется прибыльным. Сам этим занимаюсь потому, что интересно и дает некоторую материальную независимость. Смогу знать, что если не снимаю кино, мне уже не надо бежать на телевидение и делать то, что мне не нравится. И "Манхэттен", и "Смак" для меня — как бы почва под ногами. Но все не хочу разгазывать на этом, стать миллионером. А вот на кино стать миллионером хотел бы.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА

7.06.94

Месхиев Дмитрий